

ОРЕНБУРГСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ РУБЕЖА XVIII-XIX вв. В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОК*

Н.Л. СЕМЕНОВА

*Стерлитамакский филиал
Башкирского
государственного
университета*

e-mail: natalja_leonid@mail.ru

В статье проанализирован информационный потенциал мемуарной литературы применительно к изучению губернских органов управления Оренбургской губернии на рубеже XVIII-XIX вв. Предпринята попытка сопоставить сведения мемуарной литературы с другими видами источников.

Автор делает вывод, что сохранившиеся дневники, записки писателей, чиновников Оренбургской губернии рубежа XVIII-XIX вв. позволяют реконструировать официальные и неофициальные механизмы функционирования провинциальной власти. Особое значение имеют мемуары чиновников, которые сами являлись частью административной машины государства, их оценки были взглядом «изнутри». Однако, следует учитывать, что на содержание данной группы источников серьезный отпечаток наложили уровень культуры, образования автора, характер отношений с начальством и сослуживцами.

Ключевые слова: мемуары, дневники, записки, генерал-губернатор, губернатор, чиновники.

В современной отечественной историографии прочно утвердились новые подходы, одним из которых является историко-антропологический. В результате применения антропологического подхода к изучению отношений власти и подчинения возникло такое направление, как политическая антропология. Суть данного направления состоит в изучении феномена власти в определенном социокультурном контексте и предполагает пристальное внимание к культурным механизмам ее функционирования, к представлениям о ней в обществе, к формам ее репрезентации. По мнению М.М. Крома «антропологизация» политической истории выражается в акцентировании внимания на буднях власти, управленческой рутине¹.

Новые исследовательские задачи предполагают привлечение документов, которые позволяют восстановить общественную, неофициальную оценку человеческого фактора в политике, составить представление о социальной психологии провинциального общества. Для решения поставленных задач особое значение имеют документы личного происхождения (дневники, мемуары, переписка) губернаторов, людей из их окружения, провинциальных чиновников. Эти документы позволяют сосредоточить внимание на том, как и кто реально вершил государственные дела где-нибудь в провинции, вдалеке от столицы.

За последние годы историками уже накоплен определенный материал в осмыслении источников личного происхождения, посвященных первым лицам разных губерний Российской империи, разработаны методы источниковедческого анализа². Ученые еди-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Административная политика российского правительства на Южном Урале в конце XVIII–XX вв.», проект № 14–11–02007.

¹ Кром М.М. Антропологический подход к изучению русского средневековья (заметки о новом направлении в американской историографии) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 90 – 106.

² Любичанковский С.В. Анализ недостатков губернаторской власти начала XX века в воспоминаниях современников // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2002. №2. С. 115-145; Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892-1914 гг.) // Самара-Оренбург, 2007. С. 76-79; Шатохин И.Т. Курские губернаторы середины второй половины XIX в. в воспоминаниях современников // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. № 3(34); Друзин М.В., Шатохин И.Т., И.Ф. Кошко. Воспоминания губернатора. Пермь (1911-1914) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 15(70). Вып. 12; Бикташева А.Н. Казанские губернаторы первой половины XIX в. в воспоминаниях современников // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 1 (96). Вып. 17; Любичанковский С.В. Антропология губернаторской власти в трудах

нодушны в том, что исследовательское доверие к содержащимся в мемуарах материалам резко возрастает, если они подтверждаются другими мемуарными свидетельствами, иными видами источников³.

Число опубликованных мемуаров, в том или ином виде затрагивающих губернскую администрацию Оренбургского края конца XVIII – первой половины XIX вв., невелико. К сожалению, никто из оренбургских военных или гражданских губернаторов не оставил воспоминаний о своей деятельности в крае. Удалось обнаружить только опубликованные записки и дневники военных губернаторов П.П. Сухтелена и В.А. Перовского, которые посвящены более ранним периодам их жизни до приезда в Оренбургский край⁴.

Более многочисленны воспоминания, дневники, записки современников, среди которых были писатели, мемуаристы и чиновники, служившие в органах Оренбургской губернской администрации в конце XVIII – начале XIX вв. Они интересны тем, что содержат информацию о положении губернских служащих, характеристику руководителей губернии аристократической верхушки оренбургского общества. Чиновники описывают быт, нравы, неофициальные практики властвования местной администрации.

Важным источником по истории Оренбургского края являются «Записки» писателя, мемуариста рубежа XVIII – XIX вв. Григория Степановича Винского. Его жизнь и творчество довольно подробно отражены в историографии⁵. Записки Г.С. Винского были опубликованы в 1877 г. в «Русском архиве».

Г.С. Винский происходил из мелкопоместных украинских дворян, окончил Киево-Могилянскую академию. В 1770 г. он был определен К.Г. Разумовским солдатом в Измайловский полк, однако из-за кутежей и мотовства попал в долговую тюрьму, где находился в 1773-1774 гг. После освобождения вышел в отставку и в 1777 г. вернулся в Петербург. Однако там он оказался замешанным в дело армейских офицеров о подделке документов и похищении казенных денег. В сентябре 1779 г. был заключен в Петропавловскую крепость, а после освобождения, в декабре 1780 г. был лишен чинов, дворянства и сослан на поселение в Оренбургскую губернию. В 1805 г. последовала амнистия, Г.С. Винский переехал в Бузулук (по другим сведениям – в Астрахань) и начал работать над переводами французских авторов, а в 1814 г. – над своим главным произведением «Мое время»⁶.

16 февраля 1781 г. Г.С. Винский приехал в Оренбург, который по его впечатлению представлял ссыльный город, «грудю собранных в одно место церквей и колоколен». Григорий Степанович поступил секретарем к откупщику Астраханцеву⁷. Служба у откупщика Астраханцева продолжалась около года, но Григорию Степановичу не хотелось быть «быть ярыгою», «находиться в обществе корчмарей, слышать непрестанно их ссоры и раздоры, напиваться без вкуса дважды в день»⁸. Поэтому Григорий Степанович 9 августа 1783 г. переехал в Уфу.

Здесь он стал свидетелем открытия и обустройства Уфимского наместничества и приезда в край генерал-губернатора генерал-поручика И.В. Якоби. Автор мемуаров отметил, что «сей чиновник, будучи умен, обходителен и в делах сведущ, при первом своем приезде в Оренбург, имел с собою много людей с дарованиями, приятного обхождения, словом, людей, весьма от Оренбургских каторжных жителей отличных»⁹. В целом, открытие наместничества «доставило краю людей весьма порядочных». Уфа, став столицей наместничества и губернским городом, наполнилась «многими благородными семьями из других мест». Данное наблюдение Григория Степановича вполне справедливо, так как

современных историков // *TractusAevorum. Эволюция социокультурных и политических пространств. Сетевой научный рецензируемый журнал*. 2014. Т.1, №1. С. 127-133.

³ Бикташева А.Н. Указ. соч. С. 91.

⁴ Сухтелен П. П. Из записной книжки графа П. П. Сухтелена / пер. с франц. // *Русский архив*. 1876. Кн. 1. № 3. С. 346-355; Персидское посольство в России в 1829 г. Статья М.Г. Розонова по бумагам графа П.П. Сухтелена // *Русский архив*. 1889. № 1-4. С. 209-240; Дневник графа П.П. Сухтелена о пребывании Хозрева-мирзы в России // *Русский архив*. 1889. № 1-4. С. 240-261.

⁵ Большаков Л., Большакова Т. Винский известный и неизвестный // *Рифей*. Челябинск, 1981; Большаков Л. Н. Встреча с прошлым. Киев, 1988. Большаков Л. Возвращение Григория Винского. Оренбург, 1999; Большаков Л.Н. Повести о поисках и обретениях. М., 2000; Минц С.С. Мемуары российского дворянства: историко-лингвистические аспекты историко-психологического исследования. СПб., 1998.

⁶ Винский Г.С. Записки Винского // *Русский архив*. 1877. Кн. 1. Вып. 2. С. 174.

⁷ Там же. С. 177-178.

⁸ Там же. С. 180.

⁹ Винский Г.С. Записки Винского... С. 179.

открытие Уфимского наместничества стало результатом административной реформы Екатерины II, и было связано с началом работы целого ряда новых учреждений (наместнического правления, приказа общественного призрения, палат казенной, гражданского суда, уголовного суда, судебных органов), что повлекло за собой приезд в край новых чиновников¹⁰.

В Уфе Г.С. Винский поступил домашним учителем в дом надворного советника Николая Михайловича Булгакова обучать его троих детей. Григорий Степанович отмечал, что семья Н.М. Булгакова была типичной российской дворянской семьей, имела «до шестидесяти челядинцев», которые, «как и везде, составляли домашний скот»¹¹. Госпожа П.М. Булгакова управляла домом «самовластно, или лучше самовольно». Г.С. Винского возмущало, что «закон, запрещающий дворянским людям ни в коем случае не иметь голоса против своих господ, делает их истинными безответными скотами, покорность коих посему дальше всякие вероятности, как и зверство их властелинов»¹².

В «Записках» Г.С. Винский высказывает свои наблюдения над дворянским аристократическим обществом Оренбургского края: «дворяне почитают невежество своим правом. Человек со сведениями не только не уважается, но можно сказать... обегается. ...в доверенности не будет никогда»¹³. Вместе с тем, и в такой далекой провинции Г.С. Винскому «посчастливилось познакомиться с весьма добрыми и умными людьми»¹⁴. Одним из них стал член наместнического правления Петр Иванович Чичагов, который был, по мнению Винского, «...единомышленник, сострадательный друг, честный и с обширными знаниями человек»¹⁵.

Подтверждение мнения Г.С. Винского обнаруживается в архивных документах об увольнении со службы в 1803 г. по состоянию здоровья П.И. Чичагова, ставшего к тому времени правителем канцелярии военного губернатора¹⁶. В извлечении из формулярного списка говорится, что «...должность исправлял с отменным радением, в штрафах никогда не был»¹⁷. Каждое его новое пожалование в чин и продвижение по службе сопровождалось комментарием: «...по определению способностей к делам...».

До 1787 г. Григорий Степанович учительствовал у Н.М. Булгакова, а затем продолжил работу в семье надворного советника судьи совестного суда Сергея Яковлевича Левашева. Совестный суд являлся всесловным органом, сочетавшим функции суда по малозначительным гражданским делам и прокуратуры, был создан в результате административно-судебных преобразований Екатерины II¹⁸. В состав совестного суда должны были входить: судья, два заседателя от дворян по дворянским делам, два – от горожан по городским делам и два заседателя от «поселян по расправным делам»¹⁹. Судьями совестных судов были, как правило, наиболее известные и влиятельные местные дворяне.

Сергей Яковлевич Левашев принадлежал к одной из самых известных дворянских семей в Оренбургской губернии. Он более десяти лет состоял совестным судьей, а с 1782 г. один срок являлся предводителем дворянства Уфимского, Стерлитамакского и Челябинского округов²⁰.

Для нас интересна характеристика, которую дает Г.С. Винский совестному судье: «Сергей Яковлевич Левашов, надворный советник и совестный судья, был человек крайне странный. В юности без всякого воспитания, в молодости без малейшего образования, в мужеских летах без нравственности, достаточный казанский дворянин, посему родными и знакомыми в его своеволии там несколько стесняемый, оставив молодую

¹⁰ Семенова Н.Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII-первой половине XIX вв. Стерлитамак, 2001. С. 127.

¹¹ Винский Г.С. Записки Винского... С. 181.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 189.

¹⁴ Там же. С. 190.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 796. Л. 3-4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-102. Оп. 1. Д. 2, 4, 8, 13, 63.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (ПСЗ. Собр. I). СПб., 1830. Т. XX. № 14392. С. 233.

²⁰ Свице Я.С., Яргин М.Ю. Левашевы (страницы родословной дворянской семьи) // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы / отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 155.

жену и пятерых любезных детей, переселился в Башкирию, где купивши землю, переводил крестьян, строил дома, разсаживал сады, заводил оранжереи, учреждал фабрики, заводы; но все сие только начинал, а не оканчивал»²¹. И далее: «Описывать все его странности было бы и скучно, и трудно; скажу только еще: бывши почти безграмотен, охотник превеликий был диктовать письма, особенно наставления прикащикам, садовникам, конюхам и другим своим чиновникам. Щедр, даже мот бывал из тщеславия, скуп же по природе, нрава самого крутого и жестокого; но к сентиментальному разговору всегда приставал, выдавая себя за Стерна»²². Характеристика совестного судьи, данная Г.С. Винским, несколько отличается от выводов историков. Так, по мнению В.А. Воропанова, к началу XIX в. наблюдается повышение уровня квалификации судебных чиновников на Урале. Число судей пополнялось за счет лиц с положительными характеристиками²³.

«Записки» Г.С. Винского содержат довольно широкую панораму быта, нравов провинциального оренбургского общества, яркие характеристики представителей губернской администрации.

В Оренбургской губернии начинали службу многие известные русские чиновники. Среди них – Дмитрий Борисович Мертваго – таврический гражданский губернатор, сенатор. Родился он в 1760 г. в Казанской губернии, в 1775 г. вступил в военную службу. С 1781 на статской службе: сначала губернский прокурор в Оренбурге, а с 1786 – советник гражданской палаты в Уфе. С 1787 по 1797 гг. был советником Уфимского наместнического правления²⁴. По словам его брата, С.Б. Мертваго, «...деятельность и справедливость его (Дмитрия Борисовича) надолго сохранилась в памяти всех сословий губернии»²⁵. В 1797–1802 гг. он был членом провиантской экспедиции Военной коллегии, где «своими способностями обратил на себя внимание общества и стал известен императору Павлу I». В 1802 г. он стал начальником управления крымских соляных промыслов, в 1803 г. – таврическим гражданским губернатором, в 1807 г. – генерал-провиантмейстером, в 1810 г. уволен от службы, в 1817 г. назначен сенатором в Москву. В 1824 г. Д.Б. Мертваго умер²⁶.

С 1774 г. до 1801 г. Д.Б. Мертваго работал над своими «Записками», которые были составлены автором по настоятельному убеждению Г.Р. Державина, с которым он был дружен. «Записки» представляли собой дневник, заполнявшийся автором с большими перерывами. История публикации «Записок» хорошо изучена²⁷. Согласно завещанию Д. Б. Мертваго (12 апреля 1813), подлинная рукопись должна была сохраняться в его семье. Она находилась у Дмитрия Дмитриевича Мертваго (сына Б.Д. Мертваго, 1815–1864) и была передана им известному ученому, публицисту, экономисту, академику Петербургской Академии наук (1867) Владимиру Павловичу Безобразову (1828–1889). В.П. Безобразов был близким родственником Д.Б. Мертваго²⁸. В 1856 году В.П. Безобразов передал подлинник «Записок» для помещения в журнал «Русский вестник», издававшийся М.Н. Катковым.

Вероятно, уже на этапе выхода публикации первой главы, В.П. Безобразов обратился к С.Т. Аксакову с просьбой написать небольшой очерк о своем крестном отце, что и было исполнено. С.Т. Аксаков очень эмоционально писал о Д.Б. Мертваго, считая его «честнейшим человеком, которого вся жизнь была борьба правды и чести с ложью и подлою корыстью», «Дмитрий Борисович, не только сам честный человек, но и других принуждает быть честными»²⁹.

Отдельная глава «Записок» Д.Б. Мертваго посвящена службе в Оренбургском крае. В 1781 г., в возрасте 22 лет, Дмитрий Борисович был определен в край губернским прокурором. Однако, отслужив в этой должности пять лет, он честно писал: «... ничему не

²¹ Винский Г.С. Записки Винского... С. 194.

²² Там же. С. 195.

²³ Воропанов В.А. Чиновный состав уездных судов на Урале: управление кадрами в ведомстве министерства юстиции в 1800–1820-х гг. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 2(8). С. 35.

²⁴ Мертваго С.Б. «Биографическое сведение о Мертваго» // Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760–1824. Издание Русского архива. М.: В типографии Грачева и Комп. у Пречистенских ворот д. Милияковой, 1867. С. 1.

²⁵ Мертваго С.Б. «Биографическое сведение о Мертваго»... С. 1.

²⁶ Там же. С. 1.

²⁷ Мартынов Г.Г. Об истории публикации «Записок» Д.Б. Мертваго // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rusimfonia.ru/martynov.html>

²⁸ Там же.

²⁹ Мартынов Г.Г. Об истории публикации «Записок» Д.Б. Мертваго...

учился, ни к чему ни прилежал, и не знал ничего, что касается до должности. Но, будучи любим начальниками и находясь всегда в их обществе я был не только терпим в службе, но многие даже меня уважали»³⁰. Д.Б. Мертваго тем самым наглядно охарактеризовал место губернского прокурора в системе местного управления. Он констатировал полную зависимость прокуроров от начальников губернии, хотя, по закону, они должны были быть независимы от местной администрации, наблюдать за точным исполнением законов, соблюдением порядка, пресекать злоупотребления и нарушения закона.

На страницах «Записок» можно встретить довольно подробные и яркие характеристики губернского начальства. Например, Мертваго писал о генерал-губернаторе О.А. Игельстроме: «Назначен был к нам генерал-губернатором немец, со всеми качествами древнего рыцаря и новейшего петимера: влюбчивый, воинственный, вспыльчивый, хитрый, приятный в обществе и несносно гордый, щедрый и скупой одновременно, охотник наряжаться и видеть перед собой нарядных, затевать великие дела, представлять малое великим и покровительствовать всем страждущим»³¹. Оценка, данная Мертваго, перекликается с мнением исследователя П.Л. Юдина: «...барон Игельстром пробыл в Уфе четыре года. В течении этих несчастных лет барон наделал таких бед и непоправимых ошибок, каких другой лучший начальник не мог бы сделать во всю жизнь. Будучи плохим администратором, и при том еще плохим военным человеком, он, видимо, производил все свои распоряжения с маху, очертя голову, не справляясь и не вдумываясь, можно и нужно ли провесты то или иное узаконение, полезно ли оно будет для народа... У него была единственная и никому и ни к чему ненужная страсть писать и писать, давать инструкции и делать наставления и при том непременно письменно»³².

Служба в палате гражданского суда, в отличие от должности губернского прокурора, стала настоящей школой для Дмитрия Борисовича. В гражданской палате, по словам Мертваго, служили опытные и «справедливые» судьи. Председатель палаты, «...человек немолодой, довольно честный», смог убедить Мертваго, что «...путь к знанию не труден и не далек, лишь бы охота была учиться»³³. Полгода службы в палате гражданского суда «много научили меня, и дали вкус любить дело».

В 1787 г., поступив на службу советником в губернское правление, Д.Б. Мертваго перешел в непосредственное подчинение к губернатору (по закону – правителю Уфимского наместнического правления) А.А. Пеутлингу, с которым отношения у него не сложились. Мертваго характеризовал его как человека «невежественного и глупого»³⁴. Такая оценка во многом объясняется обидой Д.Б. Мертваго на губернатора из-за необоснованных претензий его жены. Неприязненные отношения закончились конфликтом, который впоследствии привел к увольнению Дмитрия Борисовича со службы в Оренбургском крае.

Конфликт был связан с вопросом о «мясном торге» в Оренбургской губернии. Губернское правление, при непосредственном участии Д.Б. Мертваго, одобрило контракт, заключенный полицией и магистратом, с оренбургским купцом о предоставлении только ему одному монопольного права на торговлю мясом на ярмарках по установленной таксе. Иногородние купцы, лишившись права продавать мясо в губернии, стали жаловаться губернатору и в коммерц-коллегию³⁵. Правитель наместнического правления А.А. Пеутлинг представил дело в Сенат таким образом, что губернское правление одобрило контракт без его ведома и в его отсутствие, возложив всю ответственность на Д.Б. Мертваго.

Дмитрий Борисович, пытаясь доказать свою невиновность, писал, что данный контракт не принес убытков ни казне, ни частным лицам. Он просил губернатора «вступить за подчиненное ему место»³⁶. Однако защиты и поддержки со стороны губернатора не последовало, дело было передано в уголовную палату. Началось следствие, в ходе которого выяснилось, что никакого ущерба казне не было. Однако, Д.Б. Мертваго, столкнувшись с несправедливостью, был очень обижен и, не считая возможным далее служить

³⁰ Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760-1824. Издание Русского архива. М., 1867. С. 39.

³¹ Там же.

³² Юдин П.Л. О. А. Игельстром в Оренбургском крае (1784-1792 и 1796-1798) // Русский архив. 1897. Кн. 4. С. 525.

³³ Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760-1824... С. 41.

³⁴ Там же. С. 40.

³⁵ Там же. С. 46.

³⁶ Там же. С. 56.

под начальством губернатора А.А. Певтулинга, подал прошение об увольнении. Прощение было удовлетворено и он переехал в Москву.

Д.Б. Мертваго неоднократно подчеркивал, что сам всегда стремился быть справедливым по отношению к просителям и строг к нарушителям закона: «Слава о моем правосудии и строгости распространилась повсюду»³⁷. Это позволило ему добиться любви и уважения коренного населения края – башкир: «...похвалы его (башкирского народа), исходящие прямо от сердца, возвышали мою душу»³⁸.

Записки Д.Б. Мертваго отличаются эмоциональностью и достаточно откровенными оценками. К примеру, Д.Б. Мертваго считал, что его инициатива по созданию проекта учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания, указ об учреждении которого был подписан Екатериной II 22 сентября 1788 г., осталась незамеченной правительством³⁹. Он писал: «Генерал-губернатор написал мне письмо, в котором благодарил меня и представил к награждению орденом, но представление было сделано слабо и я его не получил»⁴⁰. В современной историографии утвердилось мнение, что инициаторами принятия этого закона действительно были генерал-губернатор О.А. Игельстром и советник наместнического правления Д.Б. Мертваго⁴¹. В 1788 г. в пограничные губернии были командированы чиновники, призванные пресечь антироссийскую пропаганду и сделать соответствующие предписания местным властям. Один из командированных Д.Б. Мертваго представил свои предложения по введению института официального мусульманского духовенства, получающего право на религиозную деятельность исключительно от власти. Без указа о получении звания запрещалось занимать должности имамов и преподавать в мектебе и медресе⁴².

Записки Д.Б. Мертваго подтверждают тот факт, что информация, содержащаяся в документах личного происхождения – мемуарах, дневниках, записках – должна тщательно проверяться в каждом конкретном случае. Большое влияние на содержание этих источников оказывали личные отношения авторов с теми, о ком они писали.

Дневник титулярного советника, служившего секретарем в Оренбургской палате гражданского суда, Михаила Семеновича Ребелинского (1769-1815) включает ежедневные записи с 1 января 1792 г. по 31 декабря 1812 г.⁴³ Восстановлена родословная трех поколений семьи Ребелинских. Оказалось, что они являлись жителями Уфы в XVIII – первой половине XIX вв. Представители первых двух или трёх поколений были клириками уфимских храмов, затем уже чиновниками, военными, уфимскими помещиками⁴⁴.

М.С. Ребелинский в 1789-1795 гг. в чине коллежского протоколиста состоял секретарём Уфимской палаты гражданского суда. В 1797-1803 гг. служил в Оренбурге, затем – в Уфе секретарем уфимской палаты гражданского суда. В 1802 г. получил дворянство, в 1809 г. определен на должность оренбургского губернского казначея, в 1811 г. произведен в надворные советники. В 1815 г. М.С. Ребелинский умер⁴⁵.

Дневник М.С. Ребелинского содержит краткие ежедневные записи о семейных событиях, городских новостях, погоде. Он оказался у преподавателя истории Уфимской мужской гимназии М.Н. Правдина, который передал его известному краеведу, журналисту, историку П.Л. Юдину, много лет сотрудничавшему в столичных журналах «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник»⁴⁶. Дневниковые записи М.С. Ребелинского были опубликованы в журнале «Русский архив» в 1897 г.

Подлинник дневника представлял собой простую записную книжку, листы которой были разделены на семь граф: дни недели, числа, «что происходило», «приход-рубли, копейки», «расход». Автор записывал не только то, что видел, но и то, что слышал и даже свои расходы: «Январь. Понедельник 12-го. День теплый со снегом, в который

³⁷ Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760-1824... С. 51.

³⁸ Там же. С. 53.

³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. XX. № 16710. С. 1167.

⁴⁰ Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760-1824... С. 45.

⁴¹ Азаматов Д.Д. Образование Магометанского духовного собрания в Уфе // История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов; ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2011. Т. 3. С. 286.

⁴² Там же.

⁴³ Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского // Русский архив. 1897. № 3.

⁴⁴ Свице Я.С. Семья Ребелинских // Река времени. 2013: уникальные свидетельства прошлого / отв. ред. Ю.М. Абсалямов, Р.Н. Рахимов, М.И. Роднов. Уфа, 2013. С. 80.

⁴⁵ Свице Я.С. Семья Ребелинских...С. 83.

⁴⁶ Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского... С. 464.

приобретена мною табакерка и самовар (за) 95 коп.»⁴⁷. П.Л. Юдин в своем предисловии к дневнику писал, что записи М.С. Ребелинского интересны тем, что охватывают слабо изученный период русской жизни, а именно – конец царствования Екатерины II и все царствование Павла I. П.Л. Юдин также отмечает, что историку будут очень любопытны содержащиеся в дневнике взгляды и оценки провинциальных жителей на все происходящие события⁴⁸.

В дневнике М.С. Ребелинского содержится хронология назначений и приезда в край оренбургских военных и гражданских губернаторов, вице-губернаторов конца XVIII – XIX вв. При условии сопоставления этих сведений с архивными материалами, местными сборниками справочного характера⁴⁹, адрес-календарями и справочными книжками Оренбургской губернии, можно во многом уточнить хронологию губернаторских и вице-губернаторских назначений, тем более, что в некоторых случаях, особенно по периоду конца XVIII – начала XIX вв. мы имеем крайне противоречивые и неполные сведения. Так, в дневнике М.С. Ребелинского указано, что 15 июля 1800 г. стало известно, что оренбургский гражданский губернатор И.О. Куриспереведен в Волынскую губернию, а волынский губернатор К.И. Глазенап определен на его место⁵⁰. Архивные материалы, обнаруженные в фондах РГИА, позволяют точно установить, что 27 июня 1800 г. действительный статский советник волынский гражданский губернатор К.И. Глазенап был определен оренбургским гражданским губернатором, а 7 июля пожалован в тайные советники⁵¹. Согласно данным дневника М.С. Ребелинского, 20 ноября 1800 г. был получен указ о переводе оренбургского вице-губернатора Федорова смоленским губернатором, а не его место был определен действительный статский советник председатель пермской палаты суда и расправы Яковлев⁵². Однако уже 12 декабря 1800 г. оренбургский вице-губернатор Яковлев был назначен орловским гражданским губернатором, а 15 января 1801 г. в край приехал новый вице-губернатор Кривошеин⁵³. К сожалению, автор не объяснил, по какой причине происходила такая частая смена вице-губернаторов края. Архивные документы, формулярные списки пока также не позволяют внести ясность в данный вопрос.

Дневник М.С. Ребелинского представляет собой картину синхронного отражения действительности, поэтому вполне естественно, что автор не приводит подробных характеристик служебной деятельности, личностных особенностей губернаторов и других чиновников местной администрации. Ежедневные записи представляли преимущественно простое перечисление происходящих событий. Тем не менее, дневник позволяет выделить наиболее значимые события губернской жизни, к которым было приковано внимание современников.

Одним из них стал приезд в край с ревизией сенаторов М.Г. Спиридова и И.В. Лопухина. Так, запись от 9 ноября 1799 г. в дневнике М.С. Ребелинского содержит указание на то, что шестнадцать сенаторов отправляются с ревизией в различные губернии Российской империи, «...из коих сюда будет Лопухин»⁵⁴. 16 июля 1800 г. сенаторы М.Г. Спиридов и И.В. Лопухин приехали в г. Оренбург. На следующий день после приезда они ходили по городу «...в немецких кафтанах инкогнито и на рынке торговали хлеб, дрова, калачи и прочее»⁵⁵. 18 июля сенаторы «свидетельствовали» губернское правление, «...но довольны ли остались оным, – неизвестно». На следующий день сенаторы никуда не выезжали. 20 июля 1800 г. проходила проверка департаментов палаты суда и расправы, 21 – приказа общественного призрения и подведомственных ему учреждений, 23 – казенной палаты, 26 – пограничной комиссии, 27 – духовного магаметанского собрания. По сведениям М.С. Ребелинского, ревизия продолжалась до 7 августа 1800 г.⁵⁶

Итоги ее автор определил так: «Сказывают, что усмотрели они, что губернии быть в Оренбурге неудобно, а способно ей быть в Уфе, о чем-де и сделали Государю донесе-

⁴⁷ Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского... С. 465.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879.

⁵⁰ Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского... С. 477.

⁵¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 1. Д. 109. Л. 38 об.

⁵² Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского... С. 479.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского... С. 475.

⁵⁵ Там же. С. 477.

⁵⁶ Там же. С. 478.

ние»⁵⁷. Ребелинский сообщает, что 30 декабря 1800 г. император своим указом не разрешил перенос присутственных мест из Оренбурга в Уфу, но архивные и законодательные материалы свидетельствуют, что в 1802 г. было решено все губернские учреждения перевести снова в Уфу и сделать ее местом пребывания гражданского губернатора. Военный губернатор продолжал оставаться в г. Оренбурге⁵⁸. Такое решение объяснялось тем, что в Оренбурге не хватало зданий для губернских учреждений, город находился в значительном удалении от уездов, что создавало определенные трудности в сообщении.

Оценивая информационный потенциал дневниковых записей М.С. Ребелинского, следует заметить, что все происходящие события в нем фиксировались достаточно точно, т.к. автор вел ежедневные записи. Вместе с тем, возможности дневника более ограничены с точки зрения выяснения неофициальной оценки человеческого фактора в политике и составления представлений о социальной психологии провинциального общества.

Таким образом, сохранившиеся дневники, записки писателей, чиновников Оренбургской губернии рубежа XVIII – XIX вв. имеют очень большой информационный потенциал при реконструкции официальных и неофициальных механизмов функционирования провинциальной власти. Они позволяют проанализировать нравы, быт высшей губернской администрации. Информация, содержащаяся в мемуарах, записках гораздо более подробна и эмоциональна, нежели сведения дневников. Именно благодаря этим источникам мы можем создать более достоверный портрет руководителей губернии, российской бюрократии в целом. Особое значение имеют мемуары чиновников, которые сами являлись частью административной машины государства, их оценки были взглядом «изнутри». Вместе с тем, источники личного происхождения требуют к себе более критического отношения, поскольку на их содержание серьезный отпечаток наложили уровень культуры, образования автора, характер отношений с начальством и сослуживцами.

THE ORENBURG PROVINCIAL ADMINISTRATION AT THE TURN OF THE XVIII-XIX CENTURIES IN THE CONTEMPORARIE'S EVALUATIONS

The author presents an informative potential of memoir literature devoted to the study of the provincial body of the government of the Orenburg province at the turn of the XVIII-XIX centuries. There has been made an attempt to compare memoir literature with other sources.

The author came to the conclusion that the diaries, notes of the writers and clerks of the Orenburg province at the turn of the XVIII-XIX centuries let us reconstruct official and unofficial mechanisms of provincial government functioning. Of great importance are the memoirs of the clerks considered to be a part of an administrative machine. Their evaluations were a view from “inside”. However, it should be taken into account that the contents of these groups of sources are effected by a cultural and educational level of the person, character of relations with the head and colleagues.

Key words: memoirs, diaries, notes, general-governor, governor, clerks.

N.I. SEMYONOVA

*Sterlitamak Branch
of the Bashkir State University*

e-mail: natalja_leonid@mail.ru

⁵⁷ Юдин П. Из дневника М.С. Ребелинского... С. 478.

⁵⁸ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Оп. 2. Д. 587/1; ПСЗ I. Т. 27. № 20170.